

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О СИМБИРСКОЙ ГРУППЕ РСДРП

ПОЧТИ семь десятилетий отделяют нас от времени, когда усилиями В. И. Ленина и его соратников была создана пролетарская партия нового типа, партия социальной революции. Но до сих пор поражают нас своей кристальной чистотой и цельностью люди, стоявшие у истоков этой партии. Прикасаясь к их памяти, становишься сильнее и чище; встретив их след на родной земле, ощущаешь живую связь времени и поколений.

Огромный интерес у ульяновцев вызывают судьбы мужественных и обаятельных людей, с которыми впервые пришло в наш край слово и дело партии Ленина. О первых симбирских большевиках краоведам удалось собрать богатый материал. Основой данной статьи послужили результаты трехлетнего поиска. Благодаря отзывчивости десятков людей, принявших участие в поиске, автору удалось собрать свыше двухсот фотографий из семейных альбомов, архивные документы, письма периода подполья¹.

Одной из наиболее интересных, на наш взгляд, находок являются судебные дела В. В. Рябикова и В. В. Орлова.

Как и где удалось разыскать эти документы?

Краоведам было известно, что до революции симбирский окружной суд подчинялся казанской судебной палате. Значит, дела Орлова и Рябикова надо было искать там. Однако, для того, чтобы отыскать их в необъятных фондах казанской судебной палаты, нужно было точно знать, в каком году судили этих революцио-

¹ Действенную помощь в поиске оказал Е. А. Брагин, зам. прокурора области. Автор приносит ему сердечную благодарность.

неров. Было известно, что Валентина Рябикова судили последним, поэтому по логике вещей все материалы, полученные при следствии, должны находиться в его деле. Но даты суда и высылки Рябикова были противоречивы. По данным информационного бюллетеня Всесоюзного общества старых большевиков, изданного в 20-е годы, это было в 1911 г. Местные же историки суд и высылку Рябикова ошибочно относили к концу 1909 г.

Уведомление об окончании дознания по делу Рябикова, датированное 29 июля 1909 г., и справка об арестанте Симбирской губернской тюрьмы В. Рябикове, «числящемся за прокурором казанской судебной палаты» в октябре 1909 г., подсказывали, что материалы о Рябикове направлены в Казань в период между июлем и октябрём 1909 г.

На основании этих и аналогичных им поисковых данных о деле Орлова мною был сделан запрос в Казань, в Центральный госархив Татарской АССР (ЦГАТАССР), с просьбой прислать дела Орлова и Рябикова в адрес Ульяновского областного госархива.

Предположения подтвердились. Центральный госархив Татарской АССР прислал четыре следственных и судебных дела (ЦГАТАССР, ф. 3с, оп. 1с, д. 378; ф. 51, оп. 6, дд. 445, 345, 817). К сожалению, документов, изъятых охранкой при обыске 11 сентября 1906 г. в доме Орловых¹, в присланных делах не оказалось. Но в них имеется протокол осмотра изъятых при обыске документов, составленный жандармским ротмистром Любимовым, проводившим дознание по делу Орлова и Рябикова. В этом протоколе подробно изложено содержание документов, а некоторые из них воспроизведены полностью. Как ни парадоксально, но именно служебному рвению жандармского ротмистра мы обязаны через 60 с лишним лет тем, что имеем документальные свидетельства, подтверждающие последовательность большевистской позиции, которую занимала Симбирская группа РСДРП.

Интересно сопоставить найденные документы

¹ Дом Орловых находился на бывшем Введенском переулке — ныне территория, прилегающая ко Дворцу пионеров. В 1904—1906 гг. в нем размещалась конспиративная квартира Симбирской группы РСДРП.

(ЦГАТАССР, ф. 3с, оп. 1с, д. 378, лл. 139—146) с перечнем документов Симбирской группы РСДРП, известным ранее (ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 552, л. 61—62). Даже при поверхностном знакомстве с материалами видно, что ранее мы имели лишь названия документов, без их содержания, сейчас же располагаем кратким конспектом этих документов, а в некоторых случаях — полным текстом.

В жандармском протоколе указано, что среди изъятых документов имелась рукопись, «написанная черными чернилами». В ней было переписано «12 резолюций, составленных группой единомышленников... Российской социал-демократической рабочей партии».

И далее приводятся названия этих резолюций:

«I. Тактическая платформа к Объединенному съезду РСДРП.

II. Современный момент демократической революции.

III. Классовые задачи пролетариата в современный момент демократической революции.

IV. Вооруженное восстание.

V. Партизанские боевые выступления.

VI. Временное революционное правительство и местные органы революционной власти.

VII. Советы рабочих депутатов.

VIII. Отношение к буржуазным партиям.

IX. Отношение к национальным партиям.

X. Профессиональные союзы.

XI. Отношение к Государственной думе.

XII. Основы организации партии».

В названиях этих резолюций нетрудно узнать подзаголовки статьи В. И. Ленина «Тактическая платформа к Объединительному съезду РСДРП»¹.

«Тактическая платформа» была утверждена на совещаниях большевиков в марте 1906 г. и напечатана в газете «Партийные известия» № 2 от 20 марта 1906 г. Она выдвигала на широкое обсуждение местных организаций РСДРП основные вопросы текущего момента революции, формулировала большевистские положения по этим вопросам и предлагала этот документ предстоящему съезду партии как проект резолюции.

¹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 221—238.

Сейчас трудно сказать, каким путем попала «Тактическая платформа» в Симбирскую организацию РСДРП, кем и где она была переписана. Но ясно одно: «Платформа» — программный документ, она стала для Симбирской организации руководством к действию.

Один из вопросов, по которому большевики предлагали свою резолюцию в «Тактической платформе», — это вопрос о профессиональных союзах.

«...Все организации партии должны способствовать образованию беспартийных профессиональных союзов и побуждать к вступлению в них всех представителей данной профессии, входящих в состав партии...»¹.

И далее:

«...Партия должна всеми мерами стремиться к тому, чтобы воспитывать участвующих в профессиональных союзах рабочих в духе широкого понимания классовой борьбы и социалистических задач пролетариата, чтобы завоевать своей деятельностью фактически руководящую роль в таких союзах...»².

Материалы казанского архива позволяют не только вполне определенно сказать, какие именно профсоюзы были организованы в Симбирске и губернии летом 1906 г., но и детально ознакомиться с их уставами.

В жандармский протокол дословно внесены названия союзов, уставы которых оказались при обыске среди партийных документов Симбирской организации (см. «Протокол», пункт 6): «Союз типографских рабочих гор. Симбирска и губернии, Союз рабочих г. Симбирска и губернии по обработке дерева, Профессиональный союз рабочих пекарного и кондитерского производства в г. Симбирске и губернии, Профессиональное общество в торгово-промышленных предприятиях г. Симбирска и губернии».

Далее сказано, что все уставы профессиональных союзов имеют «одинаковые параграфы правил; два экземпляра написаны от руки черными чернилами, остальные напечатаны на пишущей машинке, причем на одном экземпляре приклеены 2 гербовые марки ценой каждая в 75 копеек, затем помещено удостоверение симбирского нотариуса В. П. Диевского с приложением двух его печатей — одной мастичной, а другой сургучной».

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 235.

² Там же.

Точные копии названных выше уставов сохранились и в фондах Государственного архива Ульяновской области (ГАУО). Они действительно зарегистрированы симбирским нотариусом Диевским с приложением обеих печатей, на них наклеены марки, но главное, конечно, не в этих чисто внешних признаках.

Все четыре устава имеют совершенно одинаковый текст («одинаковые параграфы правил», как написали жандармы).

Из жандармского протокола видно, что среди членов правления союза типографских рабочих города Симбирска и губернии числился Егоров Михаил Михайлович (наборщик типографии Колосова), который, как известно, состоял в Симбирской группе РСДРП¹.

Вывод может быть только один: четыре указанных профессиональных союза организованы под руководством Симбирской группы РСДРП.

Интересно отметить, что в Симбирской организации РСДРП один и тот же человек принимал участие в организации этих союзов и взял на себя «делопроизводство» по их созданию. На имя фабричного инспектора г. Симбирска поданы четыре заявления с просьбой о разрешении открыть профессиональные общества:

- 1) Типографщиков — от 21 июня 1906 г.
- 2) Рабочих по обработке дерева — от 6 июля 1906 г.
- 3) Рабочих пекарно-кондитерского производства — от 23 июня 1906 г.
- 4) Служащих торгово-промышленных предприятий — от 17 июня 1906 г.

Каждое из этих заявлений приобщено к делу об организации соответствующего союза.

Подписаны заявления разными людьми, которые в каждом из случаев представляли рабочих одной профессии. Это люди малограмотные, о чем красноречиво свидетельствуют их подписи.

Тексты трех заявлений написаны одним и тем же почерком, в четвертом случае (Союз служащих торгово-промышленных предприятий) почерком этого же человека написано прошение, представленное вместе с уставом, исправленным по требованию начальства.

При этом исключается, что заявления такого содер-

¹ См.: ГАУО, ф. 20, оп. 1, д. 3, л. 23.

жания мог написать писарь-чиновник. Все это говорит о том, что в Симбирской группе работа по организации профсоюзов была поручена определенному человеку.

Создаваемые профсоюзы должны были не только защищать экономические интересы рабочих, но и стать школой пролетарской солидарности и классовой борьбы. В этой связи интересно рассмотреть поправки, внесенные в текст уставов Симбирским губернским по делам об обществах присутствием, которое утверждало эти уставы. В правление этого Присутствия входили люди «благонамеренные» (прокурор, губернатор, предводитель дворянства и др.). Они охотно запретили бы все и всякие профсоюзы, но сие от них не зависело: одним из завоеваний революции 1905 г. были «Временные правила от 4 марта 1906 г.», разрешавшие открытое существование таких обществ.

Отлично понимая, что речь идет о разрешении далеко не безобидных благотворительных обществ. Присутствие рьяно принялось редактировать тексты уставов. Сразу же вызвал возражения параграф о членстве профсоюза, где говорилось, что каждый рабочий «независимо от пола, вероисповеданий, национальности и политических убеждений» может вступить в профсоюз, как только ему исполнится 16 лет. Тем самым профсоюз брал на себя защиту интересов подростков, труд которых нещадно эксплуатировался в те годы. Это вмешательство профсоюзов было слишком невыгодно хозяевам, и поэтому «возрастной ценз» был установлен в разных уставах от 17—18 лет.

Вызвал возражения и параграф шестой, где среди обязанностей членов профсоюза названы: § 6А «возбуждать и развивать среди своих товарищей идею солидарности и взаимопомощи»; § 6Д «подчиняться всем решениям общего собрания».

А что если это решение окажется объявлением забастовки или бойкота? Ссылаясь на «высочайше» утвержденные правила от 4 марта 1906 г., где ничего не сказано, о «неопределенной идее взаимопомощи и солидарности», Присутствие по делам об обществах вымарало оба эти пункта.

Решительно воспротивилось Присутствие и параграфу, которым разрешалось приглашать на профсоюзные собрания лиц, не состоящих членами данного профсою-

за. Ведь это был бы отличный повод проводить любую массовку или демонстрацию под видом профсоюзного собрания. Число таких лиц Присутствие ограничило до трех.

Одним из самых опасных оказался Присутствию п. 7, § 20, где в обязанности правлению профсоюза вменялось «издание воззваний к членам общества». В категорической форме было предложено немедленно изъять этот пункт. Присутствие сделало все, чтобы принизить политическое воздействие профсоюзов, втиснуть их в рамки обществ, ведущих лишь просветительно-экономическую работу. Уставы профсоюзов были «приведены в соответствие» и представлены на утверждение вновь.

Но изъять из текста не значило изъять из действия. Политическая работа симбирских большевиков в профсоюзах продолжалась. Для примера достаточно привести распоряжение губернатора от 25 июня 1908 г., которое предписывало закрыть профсоюз рабочих по обработке дерева «ввиду обнаруженной угрожающей общественной безопасности и спокойствию деятельности»¹.

Итак, нет сомнения, что работа симбирских большевиков в профессиональных союзах определялась ленинской «Тактической платформой».

Симбирская организация РСДРП была тесно связана с самарским комитетом партии. Среди документов, упоминающихся в жандармском протоколе, фигурируют два письма Самарского комитета РСДРП (см. пункты 13 и 14).

Переписка между Самарской и Симбирской организациями содержала партийные инструкции. Возможно, через посредство Самарского комитета, Симбирская группа получала указания Восточного Бюро ЦК РСДРП, действовавшего тогда в Самаре. Оба сообщения Самарского комитета были выполнены тайнописью на текстах бытовых писем.

Одно из писем (см. пункт 13) относится к апрелю 1906 г. В открытом тексте некая «Катя» поздравляла «милого Гришуню» с праздником светлого христово воскресенья и с законным браком, горько сетовала на измену жениха и даже высказывала намерение лишиться себя жизни.

¹ ГАУО, ф. 20, оп. 1, д. 5, л. 1.

При подогревании письма на огне, проявился новый текст, представляющий собою резолюцию Самарского комитета РСДРП по вопросам организации протеста в день созыва думы и проведения праздника Первого мая.

В этом документе, в частности, говорится:

«...27 апреля — день созыва думы. Если бы мы могли увлечь за собой широкие массы, организовать широкие митинги и открыто бросить в массы наши лозунги, если бы мы могли рассчитывать, что массы воспримут наш протест против антинародной думы, против факта созыва думы, то мы должны были бы организовать в этот день однодневную забастовку, организовать открытый митинг и использовать его в смысле агитации против думы за учредительное собрание. Но так как по полицейским действиям мы не можем вызвать массы к широкому открытому выступлению и протест наш может принять лишь форму однодневной забастовки... Так как, наконец, широкие массы мелкой буржуазии и крестьянства, еще надеющиеся на думу и ждущие от нее удовлетворения своих нужд, поймут нашу забастовку как выражение по поводу созыва думы, а не как выражение протеста, и этим мы сыграем на руку кадетам и явимся невольными виновниками затемнения сознания народных масс, — Самарский Комитет решил не только не призывать к забастовке, но противодействовать ей, если кадеты попытаются агитировать за таковую.

Протест против факта созыва думы в этот день должен быть выражен в форме агитационных листов соответствующего содержания.

Все силы партийных организаций должны быть направлены к тому, чтобы отметить день 1 Мая... Необходимо напирать все усилия, чтобы в этот день организовать всеобщую однодневную политическую забастовку с лозунгами чисто пролетарского характера. Если окажется возможным организовать массовки или митинги, то в их агитационное содержание внести и протест против думы...».

Таким образом, резолюция Самарского комитета РСДРП не только выражает отношение большевиков к Государственной думе. Она живо воссоздает сложную политическую обстановку момента, когда в борьбе за массы организация РСДРП должна была наряду с по-

лицейским преследованием учитывать и влияние реакционных партий.

Документ этот ценен еще и тем, что он до некоторой степени объясняет события одного из самых трагичнейших дней в истории рабочего движения в Симбирске.

Все участники симбирского революционного подполья в своих воспоминаниях рассказывают о зверском избииении участников мирной демонстрации на Ярмарочной площади у здания губернской тюрьмы. Долгое время были различные мнения о дате, когда это произошло. Считалось, что это была разгромлена Первомайская демонстрация 1906 г.¹ В коллекции краеведа Арнольда (Куйбышев) сохранилась вырезка из газеты «Сызрань», где указана дата черносотенного погрома — 27 апреля 1906 г. Среди избитых нагайками горожан газетой названы Миртов и Кожнов. Член симбирской группы РСДРП А. Тарсанов, описывая погром, называет фамилию Кожаева (кличка «Усы»). Вполне возможно, что Кожнов и Кожаев — один и тот же человек.

Наиболее подробное описание происходивших событий дает некто В. Пахомов в статье «Черносотенный погром в Симбирске», опубликованной в газете «Пролетарский путь» 23 декабря 1925 г.

Поскольку описания событий, данные несколькими очевидцами в разное время, совпадают, ясно, что речь идет об одном и том же погроме, происшедшем, как подтверждают новые документы, не 1 Мая, а 27 апреля 1906 г. — в день созыва думы.

Как же разворачивались эти трагические события?

Получив резолюцию Самарского Комитета, предписывавшую не устраивать в день созыва думы митингов и забастовок, симбирские социал-демократы не стали организовывать таковых ни на Венце, ни где-либо в другом месте города. Когда же митинг возник стихийно, остановить демонстрантов оказалось невозможным. В. Пахомов в своей статье пишет, что еще до того, как на Венце начал собираться народ, в аллеях Венца с раннего утра появился отряд конных стражников под командованием полицмейстера Пифиева. Когда около 10 часов начался митинг, полиция наблюдала его сраз-

¹ См.: Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Приволжское книжн. издат., 1964, стр. 116—117.

нительно спокойно. Так же внешне спокойно отряд конных стражников сопровождал демонстрацию вниз по Дворцовой улице до Ярмарочной площади. Только там, когда заранее ожидавшая толпа лобазников, подстрекаемая стариком в суконной поддевке, ринулась на демонстрантов с криками «бей студентов», «бей гимназистов», стража начала избивать нагайками и топтать лошадьми и без того уже бежавших и рассеянных по площади людей.

Автор, описывая события, высказывает мысль, что черносотенный погром был организован и спровоцирован самой охранкой.

Так письмо Самарского комитета РСДРП помогло уточнить и расширить наши сведения об одном из острых эпизодов классовой борьбы в Симбирске.

К сожалению, связи Симбирской организации РСДРП с Самарским Комитетом изучены недостаточно, а между тем куйбышевские архивы наверняка могут дать ответ и на многие другие вопросы, интересующие ульяновских исследователей.

Осенью 1903 г. после II съезда РСДРП в Самаре было создано Восточное бюро ЦК РСДРП. Бюро поддерживало связи с местными организациями РСДРП. Зона Восточного бюро: Поволжье — от Нижнего Новгорода до Астрахани, Урал, Уфа, Оренбург, Воронеж, Пенза и Тамбов. Через Восточное бюро местные организации поддерживали связь с ЦК, получали литературу, технику, инструкции. 25 июля 1905 г. один из руководителей Самарской организации РСДРП П. П. Кузьмин («Виктор»), являвшийся в то же время представителем Восточного бюро, сообщал Центральному Комитету РСДРП: «...В Симбирске 2 июля утверждена группа, у них идет довольно недурно работа главным образом среди крестьян; группа состоит из пяти человек (Новорожденный, Младенец, Егор, Павел и Ортодокс) ...»¹.

Это письмо представляет для нас двойной интерес: во-первых, оно дает возможность узнать, кого именно из симбирских революционеров Центральный Комитет утвердил руководителями организации, а, во-вторых, наиболее вероятно, что П. П. Кузьмин, ветеран Самар-

¹ «Ленин и Самара», Куйбышев, 1967, стр. 460.

ского подполья, и есть тот самый представитель ЦК «Виктор», от которого, по словам В. В. Рябикова, Симбирская организация получила первое задание — распространять литературу, а Рябиков и Орлов — кличку «Младенцы».

Чем можно обосновать эти предположения?

Удалось расшифровать партийный псевдоним «Егор».

В октябре 1905 г. жандармы перехватили письмо из Симбирска в Женеву, адрес которого был написан по-французски. Некто «шэмен Гурка» писал: «...Я произведен в прапорщики и оставлен в Симбирске же. Город у нас проснулся. В России что-то грандиозное творится, поэтому, прощаясь с тобой, готов сказать «до демократической республики». Скоро, вероятно, закончу свою службу и поступлю в Академию.

Твой Егор»¹.

Вот какую справку дал по поводу этого письма вахмистр, которому было поручено установить личность «Егора»: «Негласной разведкой выяснено, что из вольноопределяющихся Сурского батальона 26 сентября в прапорщики запаса был произведен Юрий Кролюницкий... так надо предполагать, он и есть «Егор»... Собирается в Петербург для поступления в Военно-Медицинскую Академию...»².

Итак, если «Егор» — Юрий Кролюницкий, значит, в письме «Виктора» речь шла об утверждении актива Симбирской организации, работавшего в группе одновременно с Ю. Кролюницким. Значит «Младенец» и «Новорожденный» могут быть только «Младенцем Старшим» (В. Рябиков) и «Младенцем Младшим» (В. Орлов). Открытым остается только вопрос о «Павле» и «Ортодоксе».

Наиболее вероятным будет считать, что в письме «Виктора» сообщается об утверждении того самого актива Симбирской группы РСДРП, который назван в воспоминаниях В. В. Рябикова: В. Орлов, В. Рябиков, Ю. Кролюницкий, Е. Парфенов и А. Георгиевский. Следует отметить, что известен снимок именно этой группы ведущих революционеров Симбирской организации.

Дальнейшее изучение материалов Самарского Коми-

¹ ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 317, лл. 217—218.

² Там же, л. 227.

тета РСДРП, где сохранились документы Восточного бюро ЦК, помогло бы не только дать ответ на этот вопрос, но и получить дополнительные данные о работе Симбирской организации, возможно, с самых первых ее шагов.

Среди бумаг, конфискованных полицией на конспиративной квартире Симбирской группы РСДРП, было обнаружено несколько телеграмм и резолюций, принятых на митингах и массовках и адресованных депутатам Государственной думы.

Весна и лето 1906 г. — это период, когда практика революционной борьбы подсказала партии большевиков переход от бойкота думы к политике участия в ней с целью использования думской трибуны для разоблачения лживых уловок царского правительства.

13 мая 1906 г. группа рабочих депутатов Государственной думы обратилась к царю с требованием политических свобод, амнистий для революционеров, передачи всей земли в государственное пользование и т. д. Царское правительство ответило отказом. Тогда рабочие депутаты думы составили обращение ко всем рабочим России, которое было опубликовано 19 мая 1906 г. в газете «Волна» вместе со статьей В. И. Ленина в качестве послесловия. «Мы горячо приветствуем воззвание рабочей группы думских депутатов, всего более близкой к нам по убеждениям»¹, — писал В. И. Ленин.

Отмечая положительные стороны воззвания, Владимир Ильич призывал рабочих не возлагать надежд на думу, а, напротив, всеми мерами разоблачать ее в глазах крестьянства. «Только крестьянская масса, сознавшая бессилие и недостаточность нынешней Думы, может послужить для рабочих твердой опорой, дающей верную победу»².

28 и 30 мая 1906 г. в Симбирске были составлены резолюции массовок на имя депутата думы Аладынина. Одна из резолюций заканчивается словами: «Да здравствует Учредительное собрание, да здравствует единение рабочих, крестьян и мелкой буржуазии города, да здравствует самодержавие народа!» (См. «Протокол», пункт 40).

25 июня собравшиеся на массовку 400 человек потре-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 120.

² Там же, стр. 121.

бовали от думы отмены смертной казни, отмены суда над Советом рабочих депутатов, созыва Учредительного собрания (см. «Протокол», пункт 34).

К этому же периоду относятся телеграмма и наказ крестьян села Сары депутату думы Аладыну. В этом наказе наряду с требованием передать землю в руки крестьян без всякого выкупа ставится вопрос о переходе всей власти в руки вооруженного народа, требование свободы печати, стачек, собраний, возвращения с каторги борцов за народное дело (см. «Протокол», пункты 23, 35).

Необходимо сказать несколько слов об Аладыне, имя которого направлялись эти телеграммы и указы. Еще в период выборов думы член Симбирской группы РСДРП З. П. Соловьев охарактеризовал его как политического авантюриста. Поэтому никто не рассчитывал на его действия в пользу трудящихся. Приведенные выше указы этому депутату думы преследовали исключительно агитационно-разоблачительные цели.

Ряд документов, изъятых жандармами на конспиративной квартире Симбирской группы РСДРП, отражает революционную работу большевиков в деревне. Все восемь уездов губернии были в те годы охвачены крестьянскими выступлениями. В отчете за 1905 г. губернатор не смог уклониться от прямого ответа и назвал основные причины крестьянских волнений. «Крайне бедственное положение сельских тружеников» представлялось ему той «благодатной почвой, на которую падает зерно революционной пропаганды»¹.

Донесения полиции и жалобы помещиков свидетельствуют о том, что во многих селах губернии часто появлялись агитаторы. Подтверждается это и документально: среди бумаг Симбирской группы РСДРП найдены адреса, явки, фамилии жителей различных сел губернии (См. «Протокол», пункты 20, 21, 28, 29, 30, 31). На этих документах останавливаться нет необходимости, так как они с небольшой разницей в тексте опубликованы в материалах губернаторского фонда ГАУО².

Вопрос о работе среди крестьян ставился всеми социал-демократическими организациями Поволжья как один из основных.

¹ Крестьянское движение. Сб. док., стр. 81—82.

² См.: Там же.

Второе письмо Самарского Комитета партии, найденное полицией среди документов Симбирской группы РСДРП, посвящено созыву по инициативе симбирцев и казанцев конференции аграрных работников 2 сентября 1906 г. (см. «Протокол», пункт 14).

С решениями этой конференции непосредственно связаны и обнаруженные при обыске прокламации: «Инструкция для агитаторов в деревне» и «Примерный приговор о воинской повинности и о солдатах и стражниках».

Интересной и очень важной особенностью работы Симбирской организации в 1906 г. является регулярная отлично налаженная связь ее с Московским и Петербургским Бюро ЦК РСДРП, а также с Восточным бюро ЦК и с центральными органами партийной печати. О факте существования контактов Симбирской группы РСДРП с центром было известно из воспоминаний В. В. Рябикова¹.

Выявленные новые документы не только позволяют судить о путях и способах, посредством которых осуществлялась связь с центром, но и, что не менее важно, раскрывают содержание полученных директив и писем ЦК.

В одном из писем бюро ЦК (Вернее всего, Восточного бюро) к симбирским большевикам говорится: «Дорогие товарищи! В целях полного осведомления ЦК о том, как проводится на местах кампания, намеченная ЦК по отношению к Государственной думе (смотри письмо ЦК № 1 и № 2 и резолюции ЦК), бюро ЦК настоятельно просит вас часто и подробно сообщать о ходе этой кампании у вас, равно как и об общем положении дел и характере работы».

Интересна и вторая часть этого письма. По просьбе московского бюро ЦК сообщались приметы провокаторов, проваливших конференцию в Киеве и скрывшихся. Эта информация была необходима для того, чтобы предостеречь организацию, которая могла принять предателя в свои ряды.

¹ 1905 год в Симбирске. Сб., Ульяновск, 1925. Сборник «Из истории нелегальных библиотек революционных организаций царской России». М., 1955 г.

Большое значение имела своевременная правильная ориентация местных организаций. В одном из писем Симбирская организация просит прислать из ЦК товарища, который прочел бы в Симбирске ряд рефератов по вопросам текущего момента, и считает приезд такого представителя ЦК крайне необходимым.

Одним из ярких примеров хорошо налаженной связи с центральными органами партийной печати может служить тот факт, что в статье «Новый подъем», опубликованной 6 мая 1906 г. в газете «Волна», выходившей в Петербурге, В. И. Ленин приводит избивение симбирских демонстрантов как один из наиболее вопиющих случаев погрома последних дней. Как уже говорилось выше, погром этот был учинен 27 апреля — в день созыва думы, т. е. между этим событием и публикацией в газете прошло всего восемь дней. Срок ничтожно малый для передачи информации в условиях строгой конспирации.

На основании анализа протокола жандармского обыска удалось восстановить «Тетрадь с адресами и явками», принадлежавшую Симбирской группе РСДРП. Из этой «Тетради» видно, что в период лета 1906 г. контакт группы с Петербургским бюро ЦК был особенно тесным. В ней имеются три явочных адреса в Петербурге, три адреса для писем, подробно оговорены пароли и способ шифровки. Ключом шифра служил не вызывающий никаких подозрений кадетский журнал «Полярная звезда». Из шести петербургских адресов удалось расшифровать четыре.

1) **Первая явка ЦК.** С. Петербург, Транспортная контора «Надежда». Угол Вознесенской и Адмиралтейской площади, 2-й этаж. Входить с Адмиралтейской. Спросить Зунделевича.

Аарон Исаакович Зунделевич (1854—1923 гг.) — один из выдающихся революционеров 70-х годов прошлого века. Позднее Зунделевич был членом РСДРП, являлся членом ЦК от меньшевиков, но в период революции 1905—1907 гг. вел активную работу совместно с большевиками¹.

2) **Вторая явка ЦК.** С. Петербург, Николаевская, 33, кв. 6, Зубной врач Лаврентьева.

¹ См.: «Каторга и ссылка», 1924, № 1.

Эту явочную квартиру ЦК большевиков Надежда Константиновна Крупская называла одной из самых надежных¹. Здесь 8 ноября 1905 г., в день приезда в Петербург, В. И. Ленин встретился с В. Д. Шелгуновым, М. Е. Лядовым, И. Ф. Дубровинским и пригласил их на следующий день на расширенное заседание редакции газеты «Новая жизнь». Позднее В. И. Ленин неоднократно встречался здесь с руководящими партийными работниками. В ноябре — декабре 1906 г. перед выборами во II Государственную думу на этой квартире состоялись три-четыре заседания ЦК РСДРП с участием В. И. Ленина.

3) Адрес для писем. С. Петербург, Торговая, 27, кв. 3, Ольге Константиновне, для А. К.

Здесь помещалась женская гимназия Ольги Константиновны Витмер и ее квартира. Точный адрес — угол Английского проспекта (ныне пр. Маклина) и угол Торговой (ныне ул. Союза Печатников), дом № 27/27. Здесь в 1905—1906 гг. часто проводились нелегальные заседания ЦК и Петербургского комитета (ПК) РСДРП, совещания боевой организации при ЦК партии, а также различные партийные собрания и конференции, на которых бывал В. И. Ленин. В конце февраля 1906 г. в зале гимназии под руководством В. И. Ленина проходила 2-я Петербургская общегородская конференция РСДРП. В марте 1906 г. В. И. Ленин проводил здесь ответственные совещания по подготовке к IV съезду РСДРП, на одном из которых (26 марта) были избраны делегаты на съезд.

4) Адрес для писем. С. Петербург, Прилукская, 10. Книжный склад Григорьева.

Здесь помещался Народный дом Паниной. Точный адрес — угол улиц Тамбовской и Прилукской, дом № 63/10. Здесь неоднократно проходили митинги и конференции под руководством ЦК и ПК большевиков. В ноябре 1905 г. в одной из аудиторий Народного дома на конспиративном собрании партийного актива Петербургской организации РСДРП с докладом по текущему моменту выступил В. И. Ленин. 11 февраля 1906 г. в Народном доме под руководством В. И. Ленина прохо-

¹ См.: Ленин в Петербурге, Лениздат, 1957; Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, «Лит. Россия», 1967, № 17.

дила I Петербургская общегородская конференция РСДРП. 6 января 1907 г. В. И. Ленин председательствовал на проходившей здесь конференции Петербургской (городской и окружной) организации РСДРП¹.

Наличие в Симбирской организации РСДРП этих ответственных адресов, дающих возможность непосредственной связи с самим сердцем партии, говорит о большом внимании и доверии ЦК к симбирским большевикам.

Что же случилось с адресами после провала в Симбирске? Не вызвал ли обыск в доме Орловых цепной реакции провалов в партийных организациях других городов и прежде всего явок ЦК в Петербурге?

Поиск дал ответ и на этот вопрос. Нет, провалов не было. Симбирская организация успела предупредить товарищей.

Обыск в доме Орловых нанес тяжелый удар местной организации. Из Симбирска вынуждены были уехать наиболее опытные, активные участники организации, а те, кто остался, подвергались большой опасности. Тем не менее организация сумела и в таких исключительно тяжелых условиях не потерять связи с центром.

10 ноября 1906 г. в седьмом номере газеты «Пролетарий» был опубликован перечень прокламаций, присланных в газету Симбирской организацией: о налогах и воинской повинности, о солдатах и стражниках, по поводу разгона думы, инструкция для агитаторов в деревне.

«Пролетарий» опубликовал лишь перечень прокламаций Симбирской организации. Протокол же жандармского обыска в доме Орловых дает нам возможность судить о содержании этих документов.

Так, в инструкции для агитаторов в деревне (см. «Протокол», пункт 4) говорилось об организации в деревнях революционных крестьянских комитетов, о подготовке вооруженного восстания. «Главнейшей задачей агитатора в деревне» инструкция считала необходимость «связать требование крестьянами земли с демократической республикой», т. е. этот документ был непосредственно связан с материалами Поволжской конференции аграрных работников РСДРП.

¹ Данные Государственного музея Великой Октябрьской социалистической революции, г. Ленинград.

Решения конференции аграрников отражены также в прокламации о налогах и воинской повинности. Прокламация призывает крестьян не платить в казну налогов, не давать рекрутов для отбывания воинской повинности. От имени крестьян прокламация заклинает солдат и стражников не обращать штыков против восставшего народа. Тех же, «кто не присоединится к народу и не направит штыков против насильников над народом, крестьяне исключают из своего общества».

О влиянии на солдат такого рода пропаганды убедительно говорят телеграммы помещиков, в которых сообщалось об отказе солдат защищать имения от восставших крестьян, а также депеши симбирского губернатора министру внутренних дел, начальнику Казанского военного округа с просьбой прислать казаков и артиллерию, так как «местные войска ненадежны».

Лето 1906 г. в Симбирске было особенно характерно своеобразным сочетанием легальных и нелегальных форм борьбы. На заседаниях руководящего ядра группы, состоявшихся в июне — июле, тщательно продумывались организационные вопросы, вопросы о проведении массовых митингов и собраний, было принято решение «обратиться в городскую управу с просьбой выделить помещение для собраний...». На заседаниях руководителей группы обсуждались также программы речей ораторов, вопросы о забастовке извозчиков, (интересно отметить, что в Симбирске тогда было 400 легковых и 700 ломовых извозчиков), вопрос об отношении к партиям кадетов и эсеров, предложивших «объединение» всех революционных сил города, и др.

К сожалению, содержание этих документов, передано в протоколе предельно кратко, возможно, потому, что из конспиративных соображений отчеты о заседаниях группы были сами по себе лаконичными. Жандармы, конечно, отдавали себе отчет в том, что каждый изъятый документ в значительной мере усиливал позицию обвинения и оправдывал применение наиболее строгой кары, потому, думается, они не преминули бы привести «крамольные» отчеты заседаний целиком, будь те достаточно полными.

Итак, как было уже отмечено выше, вся совокупность документов, приведенных в жандармском протоколе, дает значительно более полное, чем мы имели до

настоящего времени, представление о жизни местной организации РСДРП в тот период, который характеризуется во многих воспоминаниях как время наивысшего подъема революционной работы в Симбирске.

В. В. Рябиков в своих воспоминаниях отмечал, что разногласия по вопросу о большевиках и меньшевиках носили в условиях Симбирска преимущественно теоретический характер, практика же революционной борьбы показывала, что организация в целом прочно занимала большевистскую позицию. Приведенные выше документы полностью подтверждают это.

Судебные дела и жандармские дознания могут дать материал не только для характеристики Симбирской организации РСДРП. Их страницы позволяют также уточнить даты суда и высылки В. В. Орлова и В. В. Рябикова, раскрывают неизвестные ранее факты, связанные с судебным процессом, впервые знакомят с формулировками вынесенных им приговоров.

На основании изъятых при обыске 11 сентября 1906 г. документов В. В. Орлов и В. В. Рябиков обвинялись в том, что они в 1906 г. «вступили в преступное сообщество, именуемое себя Симбирской группой РСДРП, и заведомо для него поставившее целью своей деятельности насильственное изменение установленного в России основными законами образа правления на демократическую республику»¹. Такие действия квалифицировались по 102-й статье Уголовного уложения и карались применением каторжных работ на срок до восьми лет или ссылкой на пожизненное поселение с лишением всех прав состояния.

Жандармы отлично понимали все значение попавших к ним в руки документов, тем более велика была их досада, когда никого из членов Симбирской группы РСДРП не удалось арестовать. К счастью, среди документов не было списка членов Симбирской организации, поэтому пострадали только двое — В. В. Рябиков и В. В. Орлов. Остальным же, хотя и пришлось скрываться, но предъявить им обвинение на основании найденных документов было нельзя. (Сделали обыск у Кролюницкого, но задержать его не удалось). Допрошенные в качестве свидетелей приказчики торговой лавки отца

¹ ЦГАТССР, ф. 51, оп. 6, д. 345, л. 70.

Орлова заявили, что ничего не знают о революционной деятельности; хозяин заведения по резанию печатей Татарский отказался подтвердить, что предъявленная ему печать Симбирской группы РСДРП изготовлена в его мастерской.

Итак, дознание, начатое 13 сентября 1906 г., пришлось 25 марта 1907 г. прекратить до поимки обвиняемых В. В. Рябикова и В. В. Орлова.

Орлов был арестован в Симбирске 25 марта 1908 г., когда он прибыл на похороны отца. Рябикова задержали 6 мая 1909 г. на пасеке под Самарой, выследив поехавшую к нему Клавдию Орлову.

Судебные процессы над симбирскими большевиками велись в 1908—1910 гг. в обстановке реакции. Суд над Орловым состоялся 24 ноября 1908 г. Дело Рябикова рассматривалось дважды: первый раз 28 января 1910 г. (дело было отложено) и окончательно — 9 октября 1910 г. В эти годы особенно последовательно проводились реакционные нововведения в судопроизводстве. Еще в 80-е годы дела политических были признаны неподсудными суду присяжных и доверялись только государственным судьям и сословным представителям в судебных палатах.

Сословными представителями были губернский предводитель дворянства — от тех самых помещиков, которые отчаянно умоляли защитить их от крестьянских волнений и видели причину этих волнений в революционной пропаганде; городской голова — от лавочников, с таким рвением помогавших полиции разгонять демонстрантов; и волостной старшина — этот не осмелился и слова сказать против решения господ чиновников.

В условиях такого суда невозможно было превратить скамью подсудимых в трибуну для пропаганды своих взглядов. Поэтому оба, и Орлов и Рябиков, которые, уже имея к тому времени значительный опыт политической борьбы, приняли единственно правильное решение — до конца отрицать свою виновность, преследуя при этом единственную цель: выйти на свободу, чтобы продолжать борьбу.

Неравный поединок с царским судилищем продол-

жался восемь месяцев — для Орлова и почти два года — для Рябикова.

Методы следствия того времени не позволили доказать, что обнаруженные при обыске документы побывали в руках обвиняемых.

Ничем не помогла следствию и экспертиза почерков, произведенная по просьбе жандармского управления учителями чистописания с целью доказать, что документы написаны рукою Рябикова и Орлова. Некоторые из них писались, очевидно, женою Василия Орлова — Юлией Чарочниковой, которая была техническим секретарем Симбирской группы РСДРП. Однако жандармы не догадались сделать экспертизу ее почерка, а единственная подпись под протоколом допроса Юлии в качестве свидетельницы сделана явно не так, как она писала обычно: буквы искусственно растянуты в ширину, возможно, причиной было волнение, а, возможно, она специально старалась изменить почерк.

Из этих двух политических процессов особенно характерен процесс над Рябиковым. Отличаясь стойким, неунывающим характером, Рябиков упорно сопротивлялся. В заявлениях, поданных на имя прокурора Казанской судебной палаты, он открыто издевался над жандармами: как уже отмечалось, его привлекали к суду по 102-й (каторжной) статье, а он заявлял, что считает себя по этому делу не более как свидетелем, основываясь на том, что следствие не могло доказать принадлежность ему документов, найденных в доме Орлова. Их нашли не в комнате Рябикова, и он, якобы, ушел из дома до того, как нашли документы, и об этой находке ничего не знал¹.

В качестве главных свидетелей обвинения выступали полицейские чины, производившие обыск, и помощник симбирского полицмейстера, который знал Орлова и Рябикова как постоянных ораторов на демонстрациях и зачинщиков забастовок.

Рябиков категорически отвергал, что полицейский свидетель обвинения, к тому же упустивший его из-под ареста, способен дать ему, Рябикову, объективную политическую характеристику.

Стремясь усилить обвинение подсудимого, товарищ

¹ См.: ЦГАТАССР, ф. 3с, оп. 1с, д. 378, лл. 7, 15, 66.

прокурора просил приобщить к вещественным доказательствам «осмотр программы Стокгольмского съезда РСДРП», хотя и не обнаруженной при обыске. Это делалось для того, чтобы дать более яркую характеристику опасному «преступному сообществу» и доказать, что Симбирская группа РСДРП — часть опасной для самодержавия партии¹.

Отсутствие прямых доказательств нимало не смутило ни администрацию, ни суд, ни «общественность». Как Рябиков, так и Орлов были осуждены на основании косвенных доказательств и по статье 102-й приговорены к вечной ссылке в Сибирь.

Как же сложилась жизнь Орлова и Рябикова в сибирской ссылке?

В. В. Орлов был выслан в Сибирь раньше Рябикова — в 1909 г. и содержался в Енисейской губернии. Ему не довелось дожить до победы революции. Василий Васильевич Орлов умер в ссылке в 1914 г.²

В. В. Рябиков оказался в Сибири двумя годами позже, чем его друг. 23 февраля 1911 г. иркутский губернатор извещал, что счет судебных издержек вручен ссыльному Рябикову старостой села Братский Острог, в чем означенный Рябиков и расписался собственноручно³. Здесь Рябиков пробыл в ссылке до 1913 г.

Начать серьезную революционную работу в зажиточном сибирском селе, где господствующее большинство составляли кулаки, было нелегко. Рябиков принимал участие в просветительско-краеведческом обществе «Музей изучения Сибири», впоследствии стал работать в кооперативных организациях. Работу кооперативных организаций иркутские большевики использовали в своих революционных целях.

В 1913 г., когда в связи с 300-летием дома Романовых царское правительство объявило сосланным на вечное поселение «высочайшую милость» — разрешило выбрать один из городов Сибири и поселиться там, Ря-

¹ См.: ЦГАТАССР, ф. 3с, оп. 1с, д. 378, л. 159 и ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 874, лл. 110—115.

² Подробное описание жизни В. В. Орлова в ссылке дано в книге Г. Н. Федорова «К истории Симбирской большевистской организации».

³ См.: ЦГАТАССР, ф. 3с, оп. 1с, д. 378, л. 249.

Рябикову при содействии начальника Иркутской обсерватории удалось добиться перевода в Иркутск¹. После революции он стал одним из первых в Иркутске комиссаров.

О дальнейшей судьбе Валентина Владимировича Рябикова достаточно полно рассказывают написанные им книги. «Иркутск — столица революционной Сибири», «Центросибирь» и другие.

В связи с освещением революционной деятельности В. В. Орлова и В. В. Рябикова хочется сказать несколько слов о Юлии Петровне Чарочниковой — нашей землячке, соратнице и жене Орлова. Тем более, что в краеведческой литературе о ней говорится очень мало.

Юлия Петровна Чарочникова в 1904 г. закончила фельдшерскую школу при Симбирской больнице. Работа в подполье, начатая в том же 1904 г., сблизила ее с Василием Орловым. Они полюбили друг друга. Оба не признавали ни бога, ни попа, поэтому пренебрегли обрядом церковного венчания и, как это было принято тогда говорить, «сочетались гражданским браком» в апреле 1906 г., а осенью того же года вместе уехали в Подмоскowie.

В семейном архиве внуков В. В. Орлова удалось разыскать письма-открытки, посланные Василием своей жене Юлии в 1907—1908 гг., когда ему приходилось скрываться от полиции после провала конспиративной квартиры Симбирской группы РСДРП.

Попав из провинциального Симбирска в столицу, Василий Орлов жадно учился, часто бывал в Румянцевской библиотеке, в Третьяковской галерее, на студенческих диспутах. К тому времени революция шла на убыль, часть студенческой молодежи отшатнулась от революционного движения, увлеклась «вопросами пола». Но для тех, кто остался верен рабочему классу, горькие дни временного поражения стали днями напряженной учебы, подготовки к новым боям.

Василий Орлов жил в Москве на нелегальном положении, он мог быть арестован каждый день, каждый час, и любая встреча с Юлией могла оказаться «для

¹ См.: автобиографию В. В. Рябикова, написанную в 1924 г. для Всесоюзного общества старых большевиков. ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1680.

него последней. Юлия работала фельдшерницей в Осташковской лечебнице (Подмосковье). Василий писал ей часто, открытки шли официальной почтой, поэтому они короткие. На некоторых всего несколько слов и дата — это весточки о том, что он еще на свободе. На других сообщалось коротко о товарищах: «Нюта приехала», «Жду встречи с Алексеем» («Нюта» — А. Бого-явленская, «Алексей» — В. Рябиков). Кое-где проскаль-зывают осторожные намеки на нелегальную работу: «В смысле известном дела обстоят здесь прекрасно, а, может быть, и еще лучше».

Две открытки были присланы из Симбирска: в ок-тябре 1907 г. Василию удалось ненадолго приехать до-мой, повидаться с матерью и даже получить паспорт в мещанской управе. Этот паспорт сохранился, так как во время судебного разбирательства Орлов просил при-общить его к делу как доказательство того, что он не скрывался, а был «явлен и прописан» под Москвой, ку-да уехал якобы на работу¹.

Когда Орлова арестовали, Юлия приехала в Сим-бирск, чтобы выступить на процессе как свидетельница защиты. Василий ссылался на нее, говоря, что не скры-вался, а постоянно жил у своей жены фельдшерницы Чарочниковой. На допросе его грубо оборвали, в про-токоле чиновник зачеркнул слово «жена», заменив его обидным — «сожительница». Немало нужно было граж-данского мужества этой девушке, чтобы перед всем ме-щанским Симбирском заявить: «Да, сожительница... Василий жил у меня».

Юлия сделала это, зная, что сама находится на во-лоске от скамьи подсудимых — ведь она была актив-ным членом группы РСДРП, ее техническим секрета-рем.

С Василием Орловым Юлия обвенчалась в тюрьме (иначе ей не разрешили бы поехать с ним в Сибирь) и была с ним все долгие годы ссылки.

Добрая память о лекарском помощнике, фельдшер-це второго Енисейского участка долго хранилась у си-бирских старожилов.

Сдержанная от природы, Юлия за годы ссылки посу-рела, стала молчаливой. Но ее любили и часто за

¹ См.: ЦГАТАССР, ф. 51, оп. 6, д. 345, л. 57.

много верст присылали за ней лошадь — Юлия Петровна славилась умением принимать тяжелые роды. Однажды поспела к роженице, когда та уже была при смерти. У порога толпилась родня, стояли крытые сани попа — приехал соборовать умирающую. Юлия вошла в горницу, тихо и твердо сказала:

— Позвольте, батюшка, сперва моя служба.

Это было неслыханной в то время дерзостью. Крестьянка выжила, ребенок родился живым, а Юлия Петровна наверняка лишилась бы места, если бы не горячее заступничество земских врачей.

Скромный заработок Юлии Петровны часто оказывался единственным средством существования семьи — лишение всех прав состояния накладывало такие ограничения, что у В. В. Орлова не было возможности получить работу.

Лишь в 1913 г. Енисейская тюремная инспекция дала ссыльному Орлову право на причисление к крестьянскому сословию, при этом ему не разрешался выезд за пределы Енисейской губернии.

Когда В. В. Орлов тяжело заболел, Юлия Петровна сделала все, что могла, но сохранить мужу жизнь было не в ее силах. Последнее письмо Орлова на родину к товарищу по подполью — Марии Яковлевой написано рукою Юлии Петровны. Ее же рукою на тюремном фотоснимке мужа написано: «Скончался 28 марта 1914 года».

После смерти мужа Юлия Петровна с сыном Юрием переехала в Красноярск, где работала в доме ребенка. Среди ссыльных Красноярска она пользовалась большим уважением. Особенно тесная дружба связывала ее с семьей ссыльного большевика А. Е. Бадаева.

В 1925 г. Юлия Петровна с сыном вернулась на родину в Ульяновск, где работала медсестрой фтизиатрического диспансера. В 1939 г. она скоропостижно скончалась.

* * *

Самые известные материалы часто таят в себе неожиданные загадки для исследователя. Яркий пример тому — широко известный по публикациям еще 20-х годов снимок руководящего ядра Симбирской организации РСДРП(б). Достаточно сказать, что подлинник этой

фотографии удалось разыскать только в 1968 г., а полностью расшифровать его лишь спустя еще год — в декабре 1969 г.

Долгое время подлинником этого снимка считалась репродукция, сделанная в 1923 г. Аннотацией к ней служила подпись под снимком-иллюстрацией, сделанная В. В. Рябиковым в книге «1905 год в Симбирске». Аннотация эта, сделанная автором по памяти почти 25 лет спустя, вполне естественно, была неточной. Датировался снимок тоже приблизительно 1905—1906 гг. Но самое главное — до последних лет не были известны судьбы некоторых лиц, запечатленных на снимке, а также их роль в работе Симбирской организации РСДРП.

Интересна сама по себе история появления такого снимка. Ведь каждый из членов группы подвергался репрессиям и был известен охранке как неблагонадежный. Как же могли руководители подполья пойти на такой неконспиративный шаг — фотографироваться все вместе?

Логичным казалось предположение, что снимок сделан на память перед отъездом ряда товарищей из Симбирска. Это предположение подтвердилось: на копии снимка, принадлежавшей семье Соловьевых, рукой Маргариты Ивановны Лопатинской-Соловьевой сделана надпись:

«Сидят слева направо: Д. И. Ульянов, С. П. Медведева-Руднева, М. И. Соловьева-Лопатинская, крайний слева сидит З. П. Соловьев...

г. Ульяновск (Симбирск),
Симбирский комитет¹ РСДРП(б).
Январь — февраль 1906 г.»

Как известно, в феврале 1906 г. Д. И. Ульянов и З. П. Соловьев были вынуждены уехать из Симбирска, так как местное «либеральное земство», сократив средства на санитарную службу губернии, оставило обоих врачей без места, и тем самым без средств к существованию. Очевидно, эпидемии холеры казались симбир-

¹ В своих воспоминаниях М. И. Лопатинская, З. П. Соловьев, В. В. Рябиков и ряд других участников революционного подполья называют руководящее ядро Симбирской группы РСДРП комитетом.

ским властям менее опасными, чем санитарные врачи прогрессивных убеждений.

Вместе с З. П. Соловьевым уезжала и М. И. Лопатинская, его будущая жена. Собирались уезжать также А. А. Георгиевский и Ю. А. Кролюницкий. Таким образом, сделанный на память снимок уже не представлял большой опасности.

О члене группы РСДРП С. П. Медведевой долгие годы не было известно ничего, кроме имени. Софья Петровна¹ Медведева (1884—1927 гг.) родилась в Симбирске в купеческой семье. С Маргаритой Ивановной Лопатинской, которая была старше ее на два года, Софья Петровна дружила с гимназических лет. По окончании гимназии обе учились в Москве на Высших женских курсах, Медведева — на физико-математическом отделении, Лопатинская — на историческом. В Москве обе активно участвовали в студенческом и революционном рабочем движении. Вместе находились в заключении в Бутырской тюрьме, после чего были высланы из Москвы.

Документы симбирской жандармской службы наружного наблюдения рассказывают о слежке за М. И. Лопатинской, находившейся в сентябре 1904 г. под негласным наблюдением².

В Симбирской организации РСДРП обеим девушкам была поручена работа в нелегальных библиотеках.

В семье Соловьевых сохранился и вот этот документ:

«Москва, марта 19, 1926 года

Настоящим удостоверяю, что Софью Петровну Рудневу (Медведеву) лично знал по совместной революционной работе в 1905 году в городе Симбирске (Ульяновске).

Вполне рекомендую ее как хорошую и очень добросовестную работницу.

Член ВКП(б), партбилет № 121441.

Дмитрий Ульянов».

В результате поиска расширились наши знания об одном из членов руководящего ядра Симбирской организации РСДРП Б. А. Кабанове, которого в 1906 г. на-

¹ В ряде публикаций исследователей Медведева ошибочно названа Софьей Васильевной.

² См. ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 250, лл. 127—128.

зывали в подполье «Земляк» (по сведениям З. П. Соловьева и М. И. Лопатинской), а в 1907—1910 гг. — «товарищ Борис».

Борис Андреевич Кабанов родился 7 ноября 1885 г. в семье учителя А. С. Кабанова, одного из воспитанников и последователей Ильи Николаевича Ульянова.

В 1903 г. в одном классе с А. Георгиевским и П. Вишневским, впоследствии товарищами по симбирскому революционному подполью, Б. Кабанов закончил курс Симбирской гимназии.

По настоянию отца он поступил в Ново-Александрьевский сельскохозяйственный институт¹, который в то время был передовым не только по постановке научно-преподавательской работы, но и имел стойкие революционные традиции, связанные с освободительной борьбой польского пролетариата.

За участие в нелегальной сходке 16 мая 1904 г. первокурсник Борис Кабанов был временно исключен из института. Таким был его первый шаг в революционной работе.

Почти два года (с января 1905 до осени 1906) он провел в Симбирске, вошел здесь в руководящее ядро местной организации РСДРП, был секретарем коллегии пропагандистов, вел работу в профессиональных союзах. Этот период кратко описан им в воспоминаниях².

С возвращением в институт связь Кабанова с революционным подпольем родного города не прервалась, 27 июля 1907 г. «товарищ Борис» был снова избран вместе с М. А. Гимовым, А. И. Кирьяновым и др. в руководящее ядро Симбирской организации РСДРП³. Весной 1908 г. провокатор донес, что «студент Борис» заочно делегирован Симбирской организацией на V Общероссийскую конференцию РСДРП. Дознаться, кто такой «студент Борис», жандармам удалось лишь к осени.

До 1917 г. Б. А. Кабанов работал в земстве, в 1917—1918 гг. — в кооперативных организациях, стал одним из активных проводников ленинской политики кооперации в нашем крае. В январе 1920 г. ему было поручено

¹ До 1914 г. институт работал в местечке Булавы близ Варшавы, ныне Харьковский сельскохозяйственный институт им. В. В. Докучаева.

² «Красная летопись», Симбирск, губистпарт, 1923, стр. 18—27.

³ ГАУО, ф. 855, оп. I, д. 758, л. 2.

разработать программу и вести ряд дисциплин на курсах инструкторов кооперативного дела.

1920—1921 гг. — период напряженной научной работы Б. А. Кабанова на Анненковской опытной станции. В 1928 г. талантливому ученому предложили заведовать кафедрой агрохимии и полеводства на Московской областной опытной станции. Год спустя Б. А. Кабанов был переведен в Институт северного зернового хозяйства.

17 сентября 1936 г. Борису Андреевичу было присвоено звание доктора сельскохозяйственных наук, а квалификационная комиссия ВАСХНИЛ утвердила его в звании действительного члена НИИ.

В 1938 г. Б. А. Кабанов погиб. Ульяновцы на долгие годы утратили память о земляке-революционере, ученом, стоявшем у истоков советской агрохимии.

Новые данные получены и об одном из членов Симбирского комитета РСДРП Петре Дмитриевиче Винокурове.

В 1914 г. в Саратове ему, наконец, удалось закончить образование, начатое еще в 1903 г. в Казани. Революционная работа в Симбирске, а впоследствии — в Саратове, где он вновь встретился с З. П. Соловьевым, создала молодому медику прочную репутацию «неблагонадежного». Вскоре П. Д. Винокуров был срочно призван в ряды действующей армии.

Так началась его многотрудная фронтовая служба. Всюду, где вспыхивали эпидемии холеры, чумы, малярии, там проходила передовая линия врача санитарной службы Западного фронта Петра Дмитриевича Винокурова. Он вел самоотверженную борьбу за жизнь голодных, плохо одетых солдат, постоянно испытывая недостаток средств и медикаментов. Даже царские военные власти и чиновники не могли не отметить беспримерного мужества и высокого мастерства П. Д. Винокурова. Пришлось официально признать заслуги политически неблагонадежного врача, отдать ему воинские почести и торжественно вручить боевые награды: орден Святого Станислава I и II степени с мечами и орден Святой Анны III степени с мечами и бантом.

После победы Октября Петр Дмитриевич все годы Гражданской войны служил в Красной Армии, был на Юго-Восточном фронте, на Кавказе, Дону. Борьба с чу-

мой и тифом в обстановке войны и разрухи, огромный опыт работы в полевых условиях помогли ему впоследствии стать одним из основоположников советской медицины.

С 1929 г. П. Д. Винокуров был на преподавательской работе. Работал в I медицинском институте, НИИ санитарии и гигиены им. Эрисмана, он получил звание доктора медицинских наук. Умер Петр Дмитриевич Винокуров в 1956 г.¹ в Москве.

Таковы новые факты, уточнения и выводы, сделанные по истории Симбирской группы РСДРП на основании документов Центрального госархива Татарской АССР и других источников. Эти материалы послужили отправной точкой проделанного поиска, который, однако, еще далеко не закончен.

¹ В ряде работ дата смерти П. Д. Винокурова ошибочно указана на 1946 г.